

Санников С. В.

Доцент кафедры теории и истории государства и права
Сибирской академии государственной службы
Кандидат исторических наук
MA in Scandinavian History

**ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О «ВАРВАРАХ» И «ВАРВАРСТВЕ» В КУЛЬТУРЕ
ГЕРМАНСКИХ КОРОЛЕВСТВ VI-VIII ВВ.:
СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Категория «варварства», унаследованная современной цивилизацией от эпохи европейской античности, является одной из универсальных категорий, обеспечивающих этнокультурную идентичность общества на определенной стадии его развития. Как справедливо отметил датский антрополог Х. Дриссен, «каждое общество, считающее себя цивилизованным, нуждается в модели варварства»¹.

«Варварский» мир, представленный многочисленными этнополитическими образованиями, возникавшими на территориях *Barbaricum solum*², являлся важной составляющей античной миросистемы, судьба которой во многом определялась именно особенностями выстраивания отношений ядра античной цивилизации и культуры с «варварской» периферией. Трансформация античного мира, произошедшая в ходе глубоких этносоциальных сдвигов IV-VI веков, затронула самые основы модели восприятия мира, унаследованной во многих своих составляющих со времен Римской республики и ранней Империи: институт римского гражданства утратил свое былое значение, стерлись границы, обозначенные некогда римским *limes*, восприятие государства как естественного устройства общества безвозвратно ушло в прошлое. Изменение культуры неизбежно сопровождалось трансформацией дискурса, в котором получали

¹ Цит. по: Юсим М.А. Рецензия на книгу Л. Тенгстрема «Московиты... те же турки: русские атрибуты в шведской геральдике от Густава Вазы до Столбовского мира» // СВ. Вып. 61. М., 2000. С.385-386.

² Буданова В. П. О некоторых перспективах изучения Великого переселения народов // СВ. Вып. 61. М. 2000. С.139-153.

отражение новые представления, система ценностей, эволюция базовых категорий сознания.

Категория «варварства», противопоставляемая в контекстно-смысловом поле совокупности представлений о гражданской культуре и состоянии «цивилизованности», имеет, как правило, выраженные ценностные коннотации. Ценности же всегда связаны с их носителями, в связи с чем процесс формирования новой социальной модели, основанной на глубоком взаимопроникновении этносов, неизбежно приводит к формированию новой системы ценностей, и, как следствие, нового узуса понятий, связанных с рассматриваемыми категориями.

Анализ значения, структуры и особенностей использования данных понятий представляет большой интерес с точки зрения исследования эволюции культуры. Формирующаяся культура «варварских королевств», возникающих на обломках Империи, активно интегрировала античное наследие, адаптируя к новым реалиям многие категории римской культуры, и предлагая новое прочтение социально значимых терминов. Одними из таких терминов, закономерно получающих новое звучание в рамках складывающейся средневековой культуры, являются понятия «варвар» (*barbarus*) и «варварство» (*barbaria*). Формирование новой практики использования этих понятий происходило, по всей видимости, на нескольких уровнях – интеллектуально-творческом (в произведениях литераторов и историков), официально-административном (в официальной переписке, правовых актах), а также на обыденном уровне (данные изменения наиболее сложно зафиксировать на основании исторических источников, однако, их элементы могут в отдельных случаях прослеживаться на материале нарративных памятников, например, некоторых жизнеописаний христианских святых).

Исследователи неоднократно обращались к изучению эволюции представлений о «варварах» в эпоху поздней античности и раннего средневековья³, однако в рамках настоящего

³ *Jones W. R. The Image of the Barbarian in Medieval Europe // Comparative Studies in Society and History, Vol. 13, No. 4 (Oct., 1971). 376-407. Ladner G.B. On Roman attitudes towards barbarians in Late Antiquity // Viator 7. 1976. 1-25. Dauge Y. A., 1981: Le Barbare. Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation. Brussels. Levy E. Naissance du concept de barbare // Ktema 9. 1984. 5-14. Ohnaker E., 2003: Die spätantike und frühmittelalterliche*

исследования мы предлагаем подойти к данной проблеме с новой методологической точки зрения, рассмотрев понятие *barbarus* в качестве элемента знаковых систем. С точки зрения теории знака рассматриваемое понятие представляет большой интерес, поскольку сочетает в себе целый ряд характеристик, – данный вербальный знак является иконическим (имитирующим чужеземную, «варварскую» речь)⁴, он также выполняет функции идентификационного индекса⁵, интегрируя обозначаемые им субъекты в общность «других», и является элементом бинарной оппозиции⁶, противопоставляющей категории «варварства» и «цивилизованности». Изучение трансформации представлений о «варварах» предполагает осуществление ретроспективного анализа семиозиса знака *barbarus*, что требует применения соответствующих семиотических методов.

Хронологические рамки исследования представляется целесообразным ограничить периодом VI-VIII веков н.э. В данный период происходит завершение Великого переселения народов, окончательно устанавливаются границы и сферы влияния германских «варварских королевств», которые становятся полноправными субъектами международной политики, появляются первые произведения жанра «истории народа» (*origo gentis*), фиксирующие определенный уровень национального и политического самосознания. Памятники раннесредневековой историографии являются одними из наиболее информативных источников для анализа основных тенденций в интерпретации проблемы «варварства», поскольку их содержательная часть позволяет оценить отношение автора к самому феномену «варварских» обществ, выявить его интенции в освещении тех или иных качеств, присущих носителям «варварской» культуры,

Entwicklung des Begriffs barbarus: ein interdisziplinärer Versuch der Beschreibung distinktiver und integrativer gesellschaftlicher Konzepte. Munster-Hamburg-London. В отечественной науке данная проблема получила освещение в статье: Буданова В. П. О некоторых перспективах изучения Великого переселения народов // СВ. Вып. 61. М., 2000. 139-153.

⁴ Одно из наиболее ранних употреблений данного понятия, в «Илиаде» Гомера, связано с указанием на нечленораздельную (*βαρβαροφωνοί*), «варварскую» речь карийцев (*Christidis A.-F.*, ed., 2007: *A history of Ancient Greek. From the beginnings to late Antiquity*. Cambridge, New York., 2007, 307).

⁵ Более подробно о типах знаков см.: Данези М. В поиске значения. Введение в семиотическую теорию и практику. / Пер с англ.: Под общей ред. С.Г. Проскурина. Новосибирск, 2010, С.53.

⁶ Более подробно о значении оппозиций для определения знака см.: Данези М., 2010, С.61.

наконец, проследить авторскую интерпретацию исторического значения и роли «варварства» в истории европейской цивилизации.

Наиболее раннее из сохранившихся произведений жанра *origo gentis*, принадлежит германскому автору середины VI века Иордану⁷. В основу данного произведения была положена работа римского патриция Флавия Кассиодора, не сохранившаяся до нашего времени, однако, материал был подвергнут Иорданом существенной переработке, в связи с чем данное произведение имеет самостоятельное звучание в контексте политических отношений Италии и Византии эпохи Юстиниана, и представляет большой интерес с точки зрения попытки интерпретации не только национальной истории германского, «варварского» народа, но и всемирной истории, что вполне укладывается в формирующуюся раннесредневековую историографическую парадигму.

В своем произведении, посвященном истории готов, Иордан пользуется понятием «варвары» (*barbari*) как собирательным этнонимом, обозначающим представителей народов, населявших *Barbaricum solum*. Воспроизводя элементы позднеантичного повествовательного кода, автор открывает свое произведение пространным этнографическим экскурсом, содержащим описание известных ему земель и народов, в котором география варварского мира является чрезвычайно обширной – от Северной Европы, населенной «толпами различных племен» (*diversarum turbationum*)⁸ до восточных пределов «страны Скифии», населенных гуннами, полными «свирепости к народам» (*populorum rabiem*)⁹. В произведении Иордана с самого начала обозначается бинарная оппозиция *barbaria vs. res publica*¹⁰, и «варварство» рассматривается как принадлежность к этнической и культурно-исторической общности народов, находившихся за рамками античной цивилизации, государственности и культуры.

Повествование о «варварском» мире явно увлекает автора, и он передает имеющиеся в его распоряжении сведения с

⁷ Iordanis De origine actibusque Getarum // MGH. AA, T.V, Pars Prior. Berolini, 1882. P.53–138. Русскоязычное издание памятника: Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступит.статья, пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. М. 1960.

⁸ Iordanis De origine actibusque Getarum, § 22.

⁹ Iordanis De origine actibusque Getarum, § 37.

¹⁰ Наиболее явно: Iordanis De origine actibusque Getarum, § 176.

сохранением многочисленных подробностей, носящих зачастую мифологический характер. В описании автором «варварского» мира, однако, сложно проследить его персональное отношение к данному феномену. При описании «варваров» автор нередко пользуется выражениями «звериная дикость» (*beluina saevitia*)¹¹ или «звериные обычаи» (*ritu beluino*)¹², подчеркивая свирепость нравов, выражающуюся в жестокости даже к собственным детям¹³. Однако, при всей суровости и даже жестокости скандинавских «варваров» в описании Иордана, они превосходят континентальных германцев «как телом, так и духом» (*corpore et animo grandiores*)¹⁴, и вторгаются в просторы Скифии «как победители» (*victores*)¹⁵ множества других воинственных и сильных племен. Хотя готы и позиционируются как отличные от прочих варварских народов по уровню образования и способностям, им не отказывается в «варварском» происхождении: «Поэтому среди всех варваров (*omnibus barbaris*) готы всегда были едва ли не самыми образованными, чуть ли не равными грекам»¹⁶.

Последующее повествование демонстрирует, что автор не столько стремится отделить германский героический мир от «варварства», сколько перебросить своеобразный мостик между двумя цивилизациями, указывая на «полуварварское» (*semibarbarus*)¹⁷ происхождение римского императора Максимиана, его «варварскую» (*barbarico*)¹⁸ технику верховой езды. В отдельных фрагментах Иордан упоминает «варварские нравы» (*mores barbaricos*)¹⁹ и «заносчивое варварство» (*superbam... barbariem*)²⁰ германцев, однако, используемые понятия не несут в рассматриваемом контексте негативных коннотаций, а лишь указывают на воинственный и дерзкий характер представителей германского «варварского» мира эпохи Великого переселения народов, противостоявшего Римской империи. В целом же,

¹¹ Iordanis De origine actibusque Getarum, § 127, 24.

¹² Iordanis De origine actibusque Getarum, § 22.

¹³ Iordanis De origine actibusque Getarum, § 127.

¹⁴ Iordanis De origine actibusque Getarum, § 24.

¹⁵ Iordanis De origine actibusque Getarum, § 28.

¹⁶ Iordanis De origine actibusque Getarum, § 40.

¹⁷ Iordanis De origine actibusque Getarum, § 84.

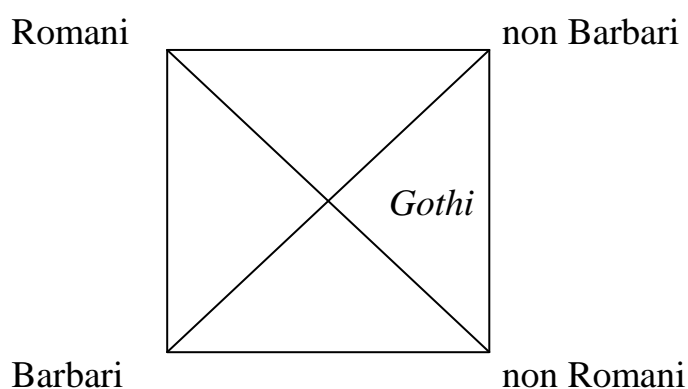
¹⁸ Ibid.

¹⁹ Iordanis De origine actibusque Getarum, § 69.

²⁰ Iordanis De origine actibusque Getarum, § 176.

понятие «варварства» в произведениях Иордана освобождается от какой-либо выраженной этической или ценностной нагрузки, что, по всей видимости, отражает формирующийся политико-правовой тренд германских королевств VI века, а также подспудно служит цели нивелирования границ между римским и германским культурными мирами.

Более полное понимание данной тенденции возможно на основании сопоставления особенностей употребления (узуса) понятия в произведении Иордана с практикой его использования в правовых памятниках и иных официальных документах эпохи, когда понятие «варвар» «теряло своё прежнее значение, связанное с представлением о неполноценности»²¹. Обращение к «варварам и римлянам» (*barbaris et romanis*)²² является официальной формулой, используемой остготским королем в административной переписке рубежа V-VI вв. Готы же, как правило, обозначаются в этих посланиях их этническим именем (*Gothi*), и дистанцируются таким образом как от общности «римлян», так и от «варваров». Если в произведении Иордана мы имели дело с бинарной оппозицией «варвары (готы)» – «римляне (греки)», то в официальных документах остготского королевства имеет место набор, как минимум, двух оппозиций («варвары» – «не варвары» и «римляне» – «не римляне»), в котором место общности *Gothi* можно определить при помощи «семиотического квадрата» Греймса²³ следующим образом:

²¹ Корсунский А.Р. К вопросу об эдикте Теодориха // Европа в средние века. М. 1972, С.18.

²² Magni Avrelii Cassiodori Senatoris Variarum libri deodecim (III, 24).

²³ Более подробно о данном методе см.: Данези М., 2010, С.62.

Характеризуя ассоциативную структуру понятия *barbari*, необходимо отметить, что представление о «варварстве» как об определенном низком состоянии общества, характерное для античности, постепенно уходит в прошлое. Официальные памятники, инкорпорирующие римское право на территории остготского и других германских королевств, повсеместно пользуются понятием «варвары» (*barbari*) для обозначения лиц неримского (прежде всего, германского) происхождения²⁴, что отражает выраженную тенденцию к установлению технического, денотативного значения понятия.

Анализируя содержательную часть посланий Теодориха, можно обнаружить, что, несмотря на присутствие в его риторике элементов классической традиции, транслированных благодаря усилиям квестора Флавия Кассиодора, «варварство» (*barbaria, gentilitas*) для германского короля – это, прежде всего, отсутствие писаных законов и подчинения им среди подданных. Призывая своих соплеменников к соблюдению законов и правопорядка в Италийском королевстве, остготский король Теодорих призывает их оставить «варварство» (*exiite barbariem*) и удалить «свирепость помыслов»²⁵, остановив стихийные проявления насилия в отношении подданных и своих соплеменников. Прочие составляющие античной культуры, включая образование, язык, традиции, мировоззренческие и религиозные аспекты, не играют для короля столь большого значения.

Использование концепта «варвары» (*barbari*) в книгах «Истории»²⁶ галло-римского интеллектуала Георгия Флоренция (Григория Турского), епископа города Тура, может рассматриваться в качестве примера синтеза культурных традиций. Переводчик и комментатор произведения Григория Турского В. Д. Савукова высказала предположение, что «когда он (Григорий – С.С.) называет кого-то варварами (III, 15), то это не столько противопоставление германцев романцам, сколько невежественных людей – культурным (в таком значении использовал это слово и Фортунат, VI, 2, 7; в таком дошло оно и до наших дней). Причина

²⁴ См. напр., *Edictum Theodorici Regis*, § 33, 34, 43 и др.

²⁵ *Magni Avrelii Cassiodori Senatoris Variarum libri deodecim* (III, 17).

²⁶ *Gergorii Turonensis Historiarum libri X* // MGH. Script. rer. Merov. T.I, P.I, Fasc.I. Hannoverae, 1937. 1-537. Русскоязычный перевод: *Григорий Турский. История франков. / Вступит.статья, пер., коммент. В.Д. Савуковой. М., 1987.*

понятна. Для христианского историка не было разницы между германцем и романцем, как для христианского апостола не было разницы между эллином и иудеем, была только разница между христианином и язычником; именно в этом сказывалась спланирующая роль христианства в дробном мире раннего средневековья»²⁷. Данный тезис нуждается в некоторой корректировке, поскольку в произведении Григория Турского понятием *barbari* все же обозначаются только представители германского мира, без определенного указания на их религиозную принадлежность. В то же время, предположение о том, что Григорий мог связывать «варварскую» общность с состоянием оторванности от плодов культуры и цивилизации, имеет под собой веские основания.

Ярким отражением представлений автора о «варварах» является краткий антропологический экскурс, выполненный Григорием в третьей книге «Истории», где он сообщает подробности из повседневной жизни туземного нобилитета Германии. В данном фрагменте Григорий повествует о судьбе одного из своих дальних родственников, по имени Аттал, который содержался в качестве знатного заложника во время одной из феодальных распрей между королями франков Теодорихом и Хильдебертом. Раскрывая фабулу данной истории, автор не называет имени германца, у которого состоял в услужении Аттал, упоминая лишь, что «служил он у одного варвара (*cuidam barbaro*) в Трирской области»²⁸, и «его назначили сторожить лошадей». Сообщая о проведении воскресной трапезы в доме знатного франка, Григорий отмечает, что ее проведение было назначено на «день солнца (*dies solis*), – так варвары (*barbaries*) называют день Господа (воскресенье)»²⁹, а при проведении очередного подобного мероприятия «варвар созвал многих родственников на пир, и среди них был его зять, женатый на его дочери»³⁰. Вполне вероятно, что Григорий описывает в данном фрагменте именно обычаи франков, хотя традиция именованья воскресенья «днем солнца» может считаться общегерманской.

²⁷ Савукова В.Д., 1987: Григорий Турский и его сочинение // Григорий Турский. История франков. М. 1987, С.335.

²⁸ Gergorii Turonensis Historiarum libri X (III,15).

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid.

В седьмой книге Григорий также упоминает об «обычае варваров» (*consuetudo est barbarorum*)³¹ наблюдать за приметами (*auspicia*), которые могут толковаться как благоприятные и неблагоприятные. Интерпретируя использование Григорием понятия «варвары» в данном фрагменте, вряд ли можно провести знак равенства между язычеством и варварством, поскольку самому Григорию были хорошо известны как римские языческие ауспиции, так и христианские убеждения отдельных «варваров»³² (в частности, Хлодвига), которые получают высокую оценку автора в других фрагментах произведения. Этнокультурный оттенок понятия «варвар» прослеживается и в описании королевского застолья в восьмой книге «Истории», в котором упоминается «обычай варваров» (*mos barbarorum*) смешивать вино с абсентом и медом³³.

В нашем распоряжении имеются весьма ограниченные свидетельства источника для того, чтобы сделать однозначный вывод о том, на основании каких критериев Григорий Турский определял состояние «варварства». Из текста можно заключить, что данное понятие используется автором только в отношении представителей германских народов, при этом неоднократно упоминается в связи с германскими традициями, имеющими, по всей видимости, архаическое происхождение (наименование дней недели, наблюдение за приметами, способы приготовления напитков), и служит, по всей видимости, демонстрации определенной социальной дистанции между германцами, принявшими отдельные элементы римской культуры (а именно, романо-христианские традиции, праздники и повседневные ритуалы) и германцами, находившимися вне данной формирующейся культурной общности. Таким образом, есть основания полагать, что Григорий отождествлял состояние «варварства» с комплексом традиций и обычаев, характерных для германских обществ, не подвергшихся существенному влиянию римской культуры.

Франкское законодательство VI века содержит примеры использования понятия *barbari* для обозначения германцев, не

³¹ Gergorii Turonensis Historiarum libri X (VII, 29).

³² Gergorii Turonensis Historiarum libri X (II, 32).

³³ Gergorii Turonensis Historiarum libri X (VIII, 31).

являющихся франками³⁴. Данное использование термина вполне соответствует обозначенной выше тенденции к дистанцированию представителей собственного народа от «варварской» общности при сохранении памяти о принадлежности германских народов в целом к категории «варваров». Еще более четко данная тенденция выражена в рамках пролога к «Салическому закону» (*Lex Salica*), где понятие *barbaria* наделяется выраженными ценностными коннотациями, демонстрирующими разрыв между новым состоянием народа и его «варварским» прошлым: «Народ франков... когда еще держался варварства (*dum adhuc teneretur barbara*), по внушению Божию, искал ключ к знанию, согласно со своими обычаями, желая справедливости, сохраняя благочестие»³⁵. В приведенном выше фрагменте прослеживается выраженная тенденция к отождествлению «варварства» с дохристианскими верованиями и социальными практиками.

Выявить особенности обыденного употребления понятия «варвар» в германских королевствах VI века достаточно сложно. Одно из наиболее информативных произведений начала века, не относящееся к жанру национальной историографии, и дошедшее до нашего времени, «Житие святого Северина» Евгиппия³⁶, отражает лексику и социальные реалии середины – второй половины V века, поскольку составлялось автором, по его собственному свидетельству, на основании личных воспоминаний и рассказов старших людей (*ex notissima nobis et cottidiana maiorum relatione*) о событиях из жизни святого Северина. Это дает основания полагать, что автором воспроизводится общая тональность и даже лексика отдельных высказываний самого Северина о присутствовавших на территории Норика германских «варварах». Фрагмент произведения Евгиппия воспроизведен в хронике Анонима Вalezия³⁷, что может служить основанием для вывода о континуитете традиции восприятия «варваров» как представителей определенных этнических групп: «Некие варвары (*quidam barbari*), идя в Италию, завернули к нему (Северину – С.С.), желая получить благословение. Среди них был и Одоакр, который позже правил в

³⁴ *Lex Salica* (XVI.2 и др).

³⁵ *Lex Salica* // MGH. LL I. Leg. nat. Germ. T.IV, P.II. Hannoverae, 1969, 3.

³⁶ Eugippius. *Vita sancti Severini* / Ed. H. Sauppe // MGH AA. T. 1. P. 2. Berlin, 1877. 1-30.

³⁷ *Anonymi Valesiani Pars Posterior* // MGH. AA. T.IX. Berlin, 1892, 249–339.

Италии»³⁸. Необходимо, однако, отметить, что данный фрагмент является единственным в тексте хроники Анонима Вalezия, где встречается понятие «варвары».

Характеризуя общие тренды употребления понятия *barbari* в источниках VI века, необходимо отметить несколько параллельно существующих тенденций. В рамках административного дискурса понятие *barbarus* широко используется для обозначения неримского населения германских королевств, однако, применяется оно, прежде всего, в отношении лиц, не являющихся представителями «титულიной» германской нации данного королевства. В правовых памятниках понятие *barbarus* употребляется в сугубо денотативном значении, обозначая представителя определенной этнической группы.

Историографическая традиция, в целом, освобождается от негативных коннотаций понятия «варвары», применяя его в качестве указателя этнической принадлежности, и обозначая этим термином представителей *Barbaricum solum*. В то же время, уже в VI столетии начинает проследиваться понимание состояния «варварства» как культурного явления, формируется тенденция к проведению параллели между «варварством» и архаическим состоянием общества, связанным с наследием языческой, дохристианской, культуры. Отдельные элементы уничижительного отношения к «варварскому» миру возникают в рамках средневековых германских «ренессансов» – в творчестве «последних римлян» и представителей узкого круга средневековых интеллектуалов.

Одним из наиболее ярких европейских мыслителей VII века, обращавшихся к проблеме «варварства», может, без сомнения, считаться проводник идей вестготского «ренессанса» Исидор Севильский. В его произведениях неоднократно используется понятие *barbari*, имеющее звучание, сопряженное с эмоциональной и оценочной компонентой. Описывая вторжение германцев в Италию, произошедшее в 405 году, он упоминает, что ими предводительствовал Радагайс, «скиф по происхождению, совершенно дикий (*saevissimus*) приверженец культа идолов (*cultui idololatriae*) и звериной варварской свирепости» (*barbaricae immanitatis feritate*), который поклялся, «презирая Христа, даровать

³⁸ Anonymi Valesiani Pars Posterior, X; Eugippius. Vita sancti Severini, VII.

кровь римлян своим богам в случае победы» (*spondens in contemptum Christi Romanorum sanguinem diis suis libare, si vinceret*)³⁹. «Варварская дикость» (*saevitia barbarica*) в приведенном фрагменте стоит в одном ряду с приверженностью «культу идолов» (*cultui idololatriae*), и очевидно противопоставляется автором ценностям римской христианской культуры.

Концепция «варварской свирепости» (*inmanitas barbariae*) отражена также в «Этимологиях»⁴⁰ Исидора Севильского, где он отмечает, что «германские племена получили такое название, поскольку обладают телесной силой (*inmania corpora*) и являются свирепыми народами (*inmanesque nationes*), закаленными суровыми холодами. Их нравы происходят из суровости климата, с неистовым духом и вечной необузданностью, они живут грабежом и охотой. Есть множество племен... свирепость их варварства (*quorum inmanitas barbariae*) видна в самих их ужасных названиях»⁴¹. Весьма интересно, что в последнем фрагменте Исидор делает вывод о принадлежности к состоянию «варварства» на основании синтагматической структуры наименований известных ему зарейнских германских племен, этимологию которых автор не способен проследить на основании доступных ему лингвистических средств, что является указанием на их «варварскую» чуждость. Данные имена не укладываются в культурно-цивилизационный код, лежащий в основе творчества Исидора.

«Варварство» является для Исидора не просто характеристикой этнической принадлежности, но совокупностью культурно-цивилизационных признаков, что ярко прослеживается в упоминании вандалов, «широко известных своим варварством» (*ipsa crebro opinata barbaries*)⁴². Готы, принявшие ценности римской культуры, противопоставляются автором другим германским

³⁹ Isidori Iunioris episcopi Hispalensis Historia Gothorum Wandalorum Sveborum // MGH. AA, T.XI, Vol.II. Berolini, 1894. 272.

⁴⁰ Isidori Hispalensis Etymologiarum libri XX. Электронный текст источника на языке оригинала: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost07/Isidorus/isi_et00.html

⁴¹ Isidori Hispalensis Etymologiarum libri XX. Liber IX. Caput II. De gentium vocabulis, 97.

⁴² Isidori Iunioris episcopi Hispalensis Historia Gothorum Wandalorum Sveborum // MGH. AA, T.XI, Vol.II. Berolini, 1894. 294.

«варварам»: «Он (Валия – С.С.) устроил грандиозную бойню варваров (*caedes magnas barbaris*) во имя Рима (*romani nominis causa*). Он разгромил в битве силингийских вандалов в Бетике. Он уничтожил аланов, которые правили вандалами и свевами, так основательно, что когда их король Атакс был убит, немногие, кто выжил, забыли имя своего королевства и подчинились королю Вандалов из Галисии Гундерику»⁴³. Сходное прочтение понятия *barbari* встречается в «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского, где автор пишет об окружающих вестготов «варварских племенах» (*circumpositas barbarorum gentes*)⁴⁴. Противопоставление собственного народа «варварам» может, по всей видимости, рассматриваться в качестве одной из характерных черт раннесредневековых германских «ренессансов».

В работах франкских хронистов VII века понятие «варварство» используется для обозначения социальных практик, восходящих к эпохе Великого переселения народов. В частности, в т.н. «Хронике Фредегара»⁴⁵ упоминается о принятии Фредегундой и ее сыном, королем Хлотарем, во владение Парижа и «других городов по варварскому обычаю» (*reliquas civitates rito barbaro*)⁴⁶, и о грабительском набеге, совершенном королем Теудебертом также «по варварскому обычаю» (*rito barbaro*)⁴⁷. Резкое обострение внутренних проблем франкского королевства (королевств), связанное с политической борьбой между наследниками престола обусловило, по всей видимости, специфическую манеру употребления понятия *barbarus*, когда оно начинает употребляться уже не по отношению к иным народам, а по отношению к политическим оппонентам, обозначая дикость и враждебность их действий. Данная тенденция отражает высокую степень

⁴³ Isidori Iunioris episcopi Hispalensis Historia Gothorum Wandalorum Sveborum // MGH. AA, T.XI, Vol.II. Berolini, 1894. 276.

⁴⁴ Historia Wambae regis auctore Iuliano episcopo Toletano // MGH. SS. rer. Merov. T.V. Hannoverae et Lipsiae, 1910. 524.

⁴⁵ Fredegari et aliorum chronica // MGH. Script. rer. Merov. II, Hannoverae, 1888. P.1–168.

⁴⁶ Fredegari et aliorum chronica // MGH. Script. rer. Merov. II, Hannoverae, 1888. P.127.

⁴⁷ Fredegari et aliorum chronica // MGH. Script. rer. Merov. II, Hannoverae, 1888. P.138.

диверсификации этосного⁴⁸ сознания и формирование патрикуляристских тенденций в историографии франкского королевства.

Характеризуя восприятие «варварства» в работах авторов VII века, можно говорить, в целом, о том, что происходит усиление ценностных коннотаций понятия «варварство», отражающее процесс формирования новой этнокультурной идентичности германских народов. Одним из векторов культурного развития складывающейся средневековой христианской цивилизации становится преодоление европейских пережитков «варварства». Развитие данной тенденции можно более ярко наблюдать уже в VIII столетии на примере произведения Беды Достопочтенного, в котором автор активно обращается к переосмыслению проблемы «варварства» в контексте христианской историографической парадигмы.

В произведении Беды встречается как традиционное для более ранних периодов развития историографии использование понятия «варвары» для обозначения этнической принадлежности лиц (преимущественно, в тех фрагментах произведения, где автор излагает события истории Рима)⁴⁹, так и новое в концептуальном отношении противопоставление «варвары» (*barbari*) – «народ Божий» (*plebs Dei*) в контексте «чужие» – «свои». В частности, англосаксы до обращения в христианскую веру описываются автором как «варварский» (*barbarum*), «свирепый и недоверчивый народ» (*feram, incredulamque gentem*)⁵⁰, который усилиями христианских миссионеров под руководством Августина был «вырван из пасти древнего врага» (*de dentibus antiqui hostis*) и приведен к «вечной свободе» (*aeternae libertatis*)⁵¹. Обращение в христианство противопоставляет англосаксов в представлении Беды тем народам, которые, согласно его мнению, сохранили «варварское» состояние: «Никогда еще с самого времени прихода в Британию англосаксы не

⁴⁸ Термин использован по: *Розов Н.С.* Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск 1998, С.123. Под этосом понимается совокупность особенностей образа жизни и мышления отдельного сообщества.

⁴⁹ *Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum* I.2; I.11; I.12; I.13; III.2.

⁵⁰ *Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum* I.23.

⁵¹ *Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum* II.1.

знали столь счастливых времен, ибо с такими сильными христианскими королями (*fortissimos Christianosque habentes reges*) они наводили страх на все варварские народы (*barbaris nationibus*), и желания всех были устремлены к радостям Небесного Царства (*caelestis regni*), о котором они лишь недавно услышали»⁵².

Взгляды автора на обращение из состояния «варварства» в «народ Божий» ярко выражены в описании евангельской проповеди народу фризов епископом Вилфридом, который «намереваясь отправиться в Рим и изложить свое дело апостольскому папе... сел на корабль и был отнесен западным ветром в Фризию, где его с почетом встретили варвары (*barbaris*) и их король Альдгисль. Он проповедовал им Христа и, просветив многие тысячи их словом веры, омыл их от запятнавших их грехов в источнике Спасителя... Зиму он провел в радости с этим новым Божьим народом (*cum populo Dei plebe*), а после продолжил путешествие в Рим»⁵³. Те же народы, которые проявляют упорство в своих языческих верованиях, и отказываются принять слово спасения, остаются в представлении Беды «восстающими против веры варварами» (*rebelles fidei barbaros*)⁵⁴.

Ценностные коннотации понятия «варварство» в произведении Беды Достопочтенного не вызывают сомнения. Данное низкое состояние ассоциируется автором с такими качествами как «звериная жестокость» (*atrocitate ferina*)⁵⁵, «неверие» (*incredulitas*)⁵⁶, «варварская гордыня» (*barbara stultitia*)⁵⁷, «суровость помыслов» (*durae mentis*)⁵⁸, «нечестивость» (*impietas*)⁵⁹, «варварский гнев» (*barbaricam rabiem*)⁶⁰, а сами варвары наделяются характеристикой «грубых» (*rusticus*)⁶¹, «диких язычников» (*pagano saevior*)⁶². «Варварство» глубоко противопоставляется христианскому миру, является его

⁵² Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum IV.2.

⁵³ Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum V.19.

⁵⁴ Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum II.5.

⁵⁵ Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum II.20

⁵⁶ Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum I.23

⁵⁷ Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum II.5

⁵⁸ Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum III.5

⁵⁹ Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum III.24.

⁶⁰ Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum V.7

⁶¹ Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum III.4

⁶² Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum II.20

антагонистом и рассматривается автором в качестве выражения той системы ценностей, которая ассоциируется с языческим миром. В данном отношении Беда достаточно последовательно развивает бинарную оппозицию *barbari – plebs Dei*, элементы которой прослеживались уже в работах Исидора Севильского.

Гораздо больший интерес в работе Беды представляет тенденция к преодолению антагонизма христиане – язычники, и восприятию феномена «варварства» с точки зрения англоцентричных позиций, в частности, когда язык галлов провозглашается «варварским» по отношению к языку саксов, – когда идет речь о проповеди Агильберта, который «много лет был... епископом, но потом король, который знал лишь язык саксов, устал от его варварской речи (*barbarae loquellae*) и пригласил в королевство епископа по имени Вине, который также был посвящен в Галлии, но говорил на родном королю языке»⁶³. Общность речи, как системы знаков, передающих определенный культурный код, по всей видимости, рассматривается всеми человеческими сообществами в качестве одного из базовых признаков цивилизационного сходства и различия, в связи с чем народ, говорящий на ином языке, будет с большой долей вероятности рассматриваться носителем традиционного сознания в качестве «варварского».

Первая запись германской народной истории на национальном языке, осуществленная переводчиками произведения Беды Достопочтенного⁶⁴, отражает своеобразный рубеж в эволюции восприятия концепта «варварство» в рамках германских обществ VI-VIII веков. Если континентальные авторы широко использовали латинские понятия *barbarus* и *barbaria*, хорошо знакомые романизированной аудитории по античным и библейским памятникам⁶⁵, то англосаксонский читатель нуждался в доступном эквиваленте данного понятия, в основе которого лежали бы категории традиционной германской культуры. В качестве такого эквивалента понятию «варварство» в англосаксонском переводе произведения Беды Достопочтенного используется понятие

⁶³ *Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum* III.7.

⁶⁴ Данный перевод, вероятно, был выполнен уже в IX столетии.

⁶⁵ Весьма характерно, что епископ Вульфила при переводе Библии на готский язык сохранил написание понятия *barbarus* без изменения. См.: *Gothic Bible*. Электронная версия источника: <http://www.wulfila.be/gothic/browse/>

elreordignes, что дословно означает «иноречие», общение на чуждом, «варварском» языке⁶⁶. Именно «иноречивый» (*elreordan*) народ оказывается в представлении англосаксов «диким» (*gēðen*), «неверующим» (*ungeléafsum*) народом, «речь которого понять нельзя» (*furðum gereorde ne siðon*)⁶⁷. «Иноречивыми» (*elreordan*) народами для англосаксов были, прежде всего, галлы, римляне, представители коренных народов Британии. Данный концепт, таким образом, имел для англосаксов содержание, существенно отличное от римского *barbarus*, отождествлявшегося, прежде всего, с представителями германского мира.

Данное исследование позволяет сделать вывод о том, что в период VI-VIII веков в рамках германских обществ происходила существенная трансформация представлений о «варварах» и «варварстве». Если семантика понятия *barbarus* в памятниках VI века позволяет оценивать его в рамках бинарной оппозиции *barbaria – res publica*, или семиотического квадрата оппозиций Греймса, то использование данного понятия в VIII веке отражает сложную иерархию оппозиций, включающую категории *suus – externis*, *christianus – paganus*, *catholicus – hereticus*, *reordan – elreordan*, *geléafsum – ungeléafsum* и др.

В рамках континентальных королевств VI века семиозис понятия *barbarus* происходил под влиянием романо-германского культурного синтеза и получал выражение в нескольких тенденциях. На первом этапе происходило освобождение понятия *barbarus* от ценностных коннотаций, и формирование практики его применения в денотативном значении, – в качестве обозначения обитателей римского *Barbaricum solum*. Несмотря на нивелирование негативных коннотаций данного понятия, представители германских народов стремились к отмежеванию от культурно-исторической «варварской» общности, что выражалось, в частности, в тенденции к использованию понятия *barbari* по отношению к представителям других германских народов, и свидетельствует о сохранении элементов ценностной нагрузки данного понятия.

Под влиянием германских «ренессансов» к VII веку складывалось уничижительное прочтение понятия *barbaria*,

⁶⁶ *Sedgfield W.J. Selections from the Old English Bede. Manchester, 1917. P.11, 20, 22, 28, 33 и др.*

⁶⁷ *Sedgfield W.J. 1917. P.11.*

ассоциируемого с неприемлемым, диким поведением, комплексом морально-нравственных характеристик, не соответствующих христианскому культурно-цивилизационному коду. Данное прочтение понятия получает завершенное оформление в произведении Беда Достопочтенного, являющегося одним из провозвестников англосаксонского «ренессанса» VIII-IX веков. Интерпретируя его интеллектуальное наследие, традиционная германская культура англосаксонской Британии вырабатывает новое, англоцентричное прочтение понятия «варварство», которое толкуется как «иноречивость» (*elreordignes*), принадлежность к иной языковой общности и культуре, иной системе ценностей. Таким образом, трансформация представлений о «варварах» и «варварстве» в германских обществах VI-VIII веков отражает процессы формирования этнокультурной идентичности германских народов, что в перспективе может быть сопоставлено с иными трендами культурной и политической истории германских народов эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья.

Резюме: В статье применяется семиотический подход к изучению трансформации античных представлений о «варварах» и «варварстве» в германских королевствах VI-VIII веков. Использование семиотических методов позволило выявить оппозиции знаков, связанных с представлениями о состоянии «варварства», проследить развитие их ассоциативной структуры и коннотаций, обозначить основные тенденции семиозиса данных знаков в культуре германских королевств рассматриваемого периода.

The author applies semiotic approach to the study of the transformation of ancient concepts of "barbarians" and "barbarism" in the Germanic kingdoms of VI-VIII centuries. Application of semiotic methods made possible to reveal the opposition of signs associated with the idea of a state of "barbarism", trace the development of its associative structure and connotations, identify the main trends of semiosis of the considered signs in the culture of Germanic kingdoms of the period.

Ключевые слова: Семиотика, варвары, германские королевства, раннее средневековье, историография, ценности

Список сокращений

СВ – Средние века. М.

AA – Auctores antiquissimi

LL – Leges (in Folio)

LL nat. Germ. – Leges nationum Germanicarum

MGH – Monumenta Germaniae Historica

Script. rer. Merov. – Scriptores rerum Merovingicarum

Санников Сергей Викторович – кандидат исторических наук, Сибирская академия государственной службы, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6, доцент кафедры теории и истории государства и права; почтовый адрес: Новосибирск, 630090, а/я 378.

р.т. (383) 227-49-59, e-mail: sannikov_sv@yahoo.com